

Печаль его светла

МАЛЫЙ ЗАЛ библиотеки Богословского алюминиевого завода краснотурьинцы уже давно считают вторым выставочным залом в городе. Стены его почти никогда не пустуют. В апреле здесь открылась выставка работ Евгения Степановича Тетерина, преподавателя Краснотурьинского художественного училища. Его картины уже демонстрировались на общих городских, областных, зональной и республиканской выставках, но персональную он устраивает впервые, хотя его коллеги считают, что «давно пора было».

Даже не представляю, как его работы могли соседствовать на одной стене рядом с работами других художников. Мне кажется, что если поместить его картины рядом с чьими-то, может произойти нечто ужасное: или чужие будут выглядеть кичем, или его полотна поблекнут. Дело в том, что Тетерин не использует ярких красок, контрастов, преобладающий цвет его картин – серый; он присутствует везде: на земле, в небе, даже в солнечном свете. Рамки его картин – и те преимущественно серые. Художник сам признался, что избегает яркого цвета: если сделает какой-то «кричащий» мазок – тут же замазывает его.

– Почему?

– Потому что, если в хоре кто-то один захочет выделиться, у него это запросто получится, но при этом он смажет всю картину, испортит впечатление.

Впечатление (impression) – слово дало название знаменитой картине Клода Моне и целому направлению в живописи. Однажды Тетерина сравнили с импрессионистами. Он – не против, но говорит, что сознательно никогда никому не подражал: пишет, как душа велит, не заботясь о соответствии тому или иному художественному методу.

Так вот, о впечатлении... Лично у меня оно определилось сразу: его картины у меня вызывают грусть. Как ни странно, в данном случае это чувство приятное: такая легкая, просветленная грусть – она дает ощущение благородства собственной души – но, согласитесь, однако, – в этом есть что-то мазохистское. Как бы ни умиляла меня «прекрасность» грусти, я бы не рискнула поместить в собственной квартире его «Сопку». Представляю: встаешь утром, взгляд падает на картину, и ты пребываешь в меланхолии весь день, назавтра опять встаешь и... опять меланхолия. Вспомнился, кстати, один итальянский фильм, где героиня страдала от «синдрома Стендаля» – якобы есть такой болезненный синдром, подробно описанный автором «Красного и Черного», – когда человек настолько попадает под влияние картины, что ощущает себя ее частью, как бы проникая за раму, путая воображаемое и реальное. Конечно, я не так экзальтирована, как героиня фильма, но не рискну...

«Сопка» рождает в душе смятение. Она очень одинока, так же как человек, может даже еще больше, потому что ей никогда не сблизиться с другими... Она не обласкана теплом и светом, над ней переменчивое небо, и за нее чуть-чуть щемит сердце – такая она бесприютная. Впрочем, что может случиться с сопкой? Стоит

себе, как стояла. Всегда одна.

Я думала, что художник Тетерин, такой же грустный, как его «Сопка». Заблуждалась. Мое впечатление от него: улыбчивый добродушный человек, лишенный амбициозности, на работе любим коллегам и студентами. У Евгения Степановича в училище небольшая мастерская: окно под самым потолком, скопление всяких предметов, стены пестрят от картин: масло, гуашь, пастель, графика. В углу над столом старинная икона в окладе.

– Верите в Бога?

– Наверное, да, хотя в церковь не хожу. Если не верить в Бога, то получается, совсем не разобраться со смыслом жизни. Ведь ради чего-то все происходит.

– Вы грезите славой?

– Нет, я уже не в том возрасте, чтобы грезить. Мне просто нравится свое дело, я больше ничего не умею и не хочу. Если мое творчество кем-то востребовано, то мне хорошо.

Востребованность и продаваемость – разные понятия. Его картины малопокупаемы, и это объяснимо: во-первых, покупают чаще картины светлые и яркие – если за окном хмуро, пусть хоть дома будет весело; во-вторых, у картин не отнять декоративных функций – надо, чтоб вписывались в интерьер, гармонировали с обоями – мещанство, конечно, но куда от него деться. В этом смысле, его картины, выполненные в холодноватой серой гамме, слишком независимы. Но художника не волнует товарный вид картины, ему важно настроение, впечатление от нее. Свои работы он чаще дарит, а иногда замазывает и пишет на этом же холсте другую картину. Евгений Степанович показывает на большое полотно у стены: лес, горы, небо...

– Вот эту хочу переписать.

– Зачем?

– Уж очень она похожа на картинку с букваря. Меня это пугает.

– Искусство, которое услужливо предлагает понятные образы и простые идеи, льстит человеческому разуму, но не развивает его. Это все равно что недостаточная физическая нагрузка для мышц – они расслабляются и обвисают. Даже не знаю, сама я так думаю или он мне это внушил. Впрочем, во избежание перегрузок везде нужен индивидуальный подход. Евгений Степанович опрометчиво показал мне свои пробы в области абстракционизма, куда заносил его творческий поиск.

Он снимает со стеллажа огромную картину. Неопишима.

– И что это? – спрашиваю.

– Откуда я знаю, – пожимает плечами и улыбается. Он почти все время улыбается.

– Как ее воспринимать: горизонтально или вертикально?

– А как хотите, – издевается.

Потом снисходительно объяснил, что это поиск новых форм. Попытка связать ритм и цвет. Разглядываю. Напрягаюсь. Подозреваю, что с чувством ритма у меня не очень... Но верю, охотно верю на слово: раз ритмы – значит, ритмы.

Новый шок – портрет женщины. Длинное тонкое лицо, обрамленное прямыми черными волосами.

– Я был тогда под впечатлением вытянутых форм Модильяни.

Тут я с умным видом киваю – дескать, как же, слышали... Лишь призрачным намеком глаза, нос, губы на зеленом (!) лице женщины.

– Я бы не рискнула вам позировать. Как она, бедняжка, это снесла?

– Нормально, мне позировала художница.

Авангардный период его творчества был довольно долг – несколько лет. Его иллюстрируют несколько картин на стене мастерской. Мое внимание зацепила небольшая, в черной раме: ассорти темных цветовых пятен вокруг яркой красной точки. Картина мне неожиданно нравится. Потом разглядываю другие: в этом что-то есть. Пока не пойму... Ладно, подумаю после.

Разбираем с Е. С. охапку этюдов. Некоторые я узнаю – с них уже написаны картины. «Старую Башкарку» узнала сразу: часовенка на горе, ухабистая деревенская дорога, древняя избушка с усталыми глазами – окнами, линияное небо и выжженная солнцем земля – конец лета или начало осени, еще тепло. «Старую церковь в Рыбниково» узнать трудно. На картине – зеленоватый туман, размытые очертания куполов на горизонте. Этюд богат сиреневым и подробностями: церквушка отражается в воде вместе с закатным небом.

А вот еще один закат. В горах. Густой туман, тяжелые облака, зарево...

– Было очень темно, – вспоминает художник, – не видно было ничего, торопился, рисовал вслепую, краски брал наугад, просто по памяти, зная палитру. Потом, при свете, удивлялся, что получилось.

– А разве не проще делать фотографии?

– Технически – проще. Но писать картины надо с этюдов. Фотография статична, в ней – миг, мгновение. В этюдах – динамика, они хранят впечатления.

Это трудно осмыслить. Может быть, для художника каждый штрих, каждый мазок, как понятный ему одному шифр. Он смотрит на них, и они несут ему информацию о нем самом, о состоянии его души в тот момент. И еще... Меня всегда интересовало, как художник предвидит метаморфозы каждого следа кисти на холсте. Я имею в виду их изменчивость, в зависимости от расстояния, с которого смотришь на картину. Взять, например, «Сосьву» – даже не подходите к ней близко, наслаждайтесь ею с расстояния метров трех, и советую смотреть не прямо, а немного справа. Метаморфозы картины – как это получается? Непостижимо.

– Вы отходите подальше после каждого мазка кисти?

– Нет, я знаю, как он будет выглядеть с расстояния.

Интересно, это профессиональный опыт или талант? Можно ли этому научиться? Что от Бога, что от науки? А знаете, как Тетерин учит своих студентов?

– Вот натюрморт, – говорит художник. – Его составили, и он сразу зажил своей жизнью. Какой? Надо понять. В него надо влюбиться, почувствовать его душу, только

тогда писать.

Чтобы написать одинокую «Сопку», в нее надо влюбиться, так же, как в летний день, в горы, в небо...

Мне очень понравилась одна его картина. Какая – не скажу – боюсь конкуренции. Хочу ее купить. Правда, художник еще не решил от нее избавиться. Но, может быть, мне повезет. И неважно, что она не подходит к моим обоям. Пусть будет. Я подберу к ней другие обои.

Ирина МАШКОВА.

Машкова, И. Печаль его светла : [творчество художника Евгения Степановича Тетерина, г. Краснотурьинск] / Ирина Машкова // Заря Урала. – 2000. – 2 мая (№ 53). – С. 3.